

УДК 94 (47).084.8

UDC 94 (47).084.8

07.00.00 Исторические науки

Historical sciences

«СТОЛБЫ ПОДРУБЛЕНЫ, ЗАБОРЫ ПОВАЛЯТСЯ САМИ»: СТАЛИН, ЖДАНОВ И ЛЕНИНГРАДСКАЯ «АНТИПАРТИЙНАЯ ГРУППА»*

«THE PILLARS HAVE BEEN NOTCHED, THE FENCES WILL STRUCK DOWN BY THEMSELVES»: STALIN, ZHDANOV AND LENINGRAD «ANTI-PARTY GROUP»

Павлов Михаил Юрьевич
канд. ист. наук

Pavlov Mikhail Yurievich
Candidate of Historical sciences

SPIN-код в РИНЦ: 4421-2470
Электронный адрес: kinpavlov@mail.ru
Филиал ФГБОУ ВПО «Кубанский государственный университет» в г. Армавире, Армавир, Российская Федерация

SPIN-code in SCIENCE INDEX: 4421-2470
E-mail: kinpavlov@mail.ru
Branch of «Kuban State University» in Armavir, Armavir, Russia

В статье рассматривается послевоенная перегруппировка сил в ближайшем сталинском окружении, которая закончилась крупнейшей репрессивной кампанией эпохи позднего сталинизма. Вскоре после окончания войны поощрявший соперничество в системе высшей власти И.В. Сталин идет на формирование нового центра силы и расставляет на ключевые партийные и государственные посты так называемых «ленинградцев». При этом укрепление позиций А.А. Жданова, А.А. Кузнецова, Н.А. Вознесенского «хозяин» сопровождает ограничением сферы влияния Г.М. Маленкова и Л.П. Берии. На протяжении 1946-1948 гг., следуя излюбленной тактике сдержек и противовесов, вождем не доводит дело до решающего перевеса ни одной из сторон. Однако вскрывшийся летом 1948 г. межличностный конфликт Сталина со Ждановым и скорострительная смерть последнего, разрушившая существовавший в узком руководстве баланс сил, явились отправной точкой для начала преследования оставшихся без опеки «ленинградцев». Используя подозрительность и фобии вождя, изрядно поднатеревшие в подковерной борьбе Маленков и Берия сумели инициировать «ленинградское дело». Автор считает: не случись у Жданова смертельного инфаркта миокарда, вернись он из вынужденного отпуска на работу в Москву, а тем более, удержиись он в составе руководящей группы, кровавых репрессий можно было избежать

The article deals with the post-war reshuffle of forces in the near Stalin's enclosing, which ended with the largest repressive campaign of the late Stalinism. Shortly, after the war Stalin encouraged the competition in the system of the highest power, he goes to the formation of a new center of power and sets out the party and state appointments, so called "leningradcev." At the same time strengthening the position of A. Zhdanov, A. Kuznetsova, N. Voznesenskogo "the host" accompanies with a limited sphere of influence of G. Malenkov and L. Beria. During the 1946-1948, following with the favorite tactics of checks and balances, the leader does not carry the advantages of any parties. However, in summer of 1948 the interpersonal conflict between Stalin and Zhdanov was identified and the sudden death of the latter, destroyed the existing guide in the narrow balance of power, were the starting point for the beginning prosecution of "leningradcev" without guardianship. Using the suspicions and phobias of the leader, Malenkov and Beria were able to initiate the "Leningrad affair". The author thinks that if Zhdanov did not have a fatal cardiac infarction, he would be back to work in Moscow from the necessitous vocation, would stay in the membership of governing group and the bloody reprisals would be avoided

Ключевые слова: И.В. СТАЛИН, А.А. ЖДАНОВ, А.А. КУЗНЕЦОВ, ЛЕНИНГРАДСКАЯ «АНТИПАРТИЙНАЯ ГРУППА», БОРЬБА ЗА ВЛАСТЬ, УЗКОЕ

Keywords: I.V. STALIN, A.A. ZHDANOV, A.A. KUZNETSOV, LENINGRAD «ANTI-PARTY GROUP», BATTLE FOR REIGN, NARROW GUIDANCE, REPRESSIVE CAMPAIGN

* Исследование выполнено при финансовой поддержке РГНФ, проект №15-31-01227 «Политическая деятельность секретаря ЦК А.А. Кузнецова и уничтожение ленинградской «антипартийной группы» (на материалах ЦА ФСБ России)», руководитель М.Ю. Павлов.

РУКОВОДСТВО, РЕПРЕССИВНАЯ
КАМПАНИЯ

Во второй половине 30-х годов в ближайшем окружении И.В. Сталина начинает формироваться мощная партийно-государственная связка в лице секретаря ЦК ВКП(б) Г.М. Маленкова и всесильного главы НКВД Л.П. Берии. Провоцируя соперничество среди своего ближайшего окружения, Сталин противопоставляет новых выдвиженцев представителям «старой гвардии» – В.М. Молотову, Л.М. Кагановичу, А.И. Микояну.

В критических условиях военного времени, когда вождь был вынужден расширить полномочия своих соратников, происходит окончательное становление союза Берии и Маленкова. Однако вскоре после войны, следуя излюбленной тактике сдержек и противовесов, Сталин идет на формирование нового центра силы и расставляет на ключевые партийные и государственные посты так называемых «ленинградцев».

Руководивший Ленинградом с конца 1934 г. (после убийства С.М. Кирова) А.А. Жданов 29 декабря 1945 г. решением Политбюро возвращается в Москву и пополняет ряды сталинского узкого руководства. Впредь группа лиц, взявшая на себя всю ответственность за судьбы страны, именуется «шестеркой»: Сталин, Молотов, Берия, Микоян, Маленков и Жданов. Проработавший чуть более года главой ленинградского горкома и обкома партии А.А. Кузнецов 18 марта 1946 г. назначается секретарем ЦК ВКП(б). Вопрос о его переводе из Ленинграда на центральную работу в Москву озвучил перед собравшимися на пленуме ЦК сам Сталин [1]. Менее чем через месяц Кузнецова утверждают еще и начальником Управления кадров ЦК. Другой «ленинградец», председатель Госплана Н.А. Вознесенский, по инициативе вождя обновляет состав

руководящей группы – «семерки» (октябрь 1946 г.) и через пять месяцев становится полноправным членом Политбюро.

Усиление позиций «ленинградской команды» почти синхронно сопровождалось ограничением сферы влияния Берии и Маленкова. 29 декабря 1945 г. Лаврентий Берия освобождается от должности главы НКВД, которую он занимал более семи лет. В мае 1946 г. увольняют протеже Берии – министра государственной безопасности В.Н. Меркулова. Вслед за Берией Сталин существенно ограничивает сферу влияния Георгия Маленкова. 4 мая 1946 г. его смещают с поста секретаря ЦК ВКП(б) и выводят из состава Секретариата. Функции Маленкова как руководителя аппарата ЦК партии переходят к Жданову. Тем самым Сталин в очередной раз демонстрирует руководящей группе свое монопольное право на ведение политического хозяйства страны.

На протяжении 1946-1948 гг. генсек активно использует «ленинградцев» при решении крупнейших вопросов общесоюзного значения. В то же время он продолжает наблюдать, а в отдельных случаях и провоцировать их противостояние утратившим свои прежние позиции Маленкову и Берии. Поощряя соперничество в системе высшей власти, Сталин не доводит дело до решающего перевеса ни одной из сторон.

С переменным успехом подобного рода баланс сохраняется вплоть до момента скоропостижной смерти Жданова, который умер 31 августа 1948 г. в возрасте пятидесяти двух лет. В тот же день в злополучный дом отдыха ленинградского горкома партии «Валдай» оперативно прибывают представители его «команды» – Н.А. Вознесенский, А.А. Кузнецов и глава Ленинграда П.С. Попков. Уже 15 февраля 1949 г. на заседании Политбюро находящиеся, казалось бы, в сталинском фаворе Кузнецов и другие «ленинградцы» будут обвинены в стремлении противопоставить ленинградскую партийную организацию центральным органам власти. Еще через несколько месяцев они станут главными фигурантами

крупнейшей репрессивной кампании среди высшего руководства послевоенного СССР [2, 3].

Именно неожиданная смерть одного из ближайших сталинских соратников, автоматически разрушившая послевоенный баланс в узком руководстве, явилась отправной точкой для начала преследования опекаемых Ждановым руководителей. Дальнейшее развитие событий показало, что их сила, как подобие организованной группы, способной оказывать влияние на вождя и на равных противостоять тандему Маленкова и Берии, заключалась в верном сталинском товарище. Находясь рядом со Сталиным, Жданов имел возможность «подрессорить» просчеты близких ему функционеров и вряд ли бы позволил раскрутить их незначительные нарушения до масштабов заговора «антипартийной группы».

При исследовании «ленинградского дела» поражает стремительность его развития и сама трагическая развязка. Они-то и выдают заблаговременный радикальный настрой «хозяина» в отношении выходцев из северной столицы. В какой-то степени безвременная кончина Жданова только символизировала утрату влияния его группы, так как возвращение Маленковым потерянных ранее позиций началось еще до ухода из жизни главного идеолога страны. Уже 1 июля 1948 г. Маленков пополняет ряды Секретариата ЦК ВКП(б) и фактически становится преемником Жданова на посту заместителя Сталина по партии. Одной из причин очередной сталинской переориентации могло стать ухудшение его отношения к Жданову. Можно предположить, что летом 1948 г. Андрей Александрович отправлялся в свой последний отпуск на Валдай с неопределенными перспективами на возвращение в политическую жизнь.

По каким причинам Сталин мог изменить отношение к неоднократно доказывавшему ему свою преданность и всегда старавшемуся четко соблюдать принятую субординацию Жданову? По мнению О.В. Хлевнюка,

главным политическим капиталом Жданова было доверие к нему со стороны Сталина [4]. И действительно, многолетний опыт единоличного правления советского лидера показал, что он без малейшего сожаления избавлялся от людей, которых подозревал в политической нелояльности. Исходя из имеющихся фактов, можно предположить, что свой кредит доверия Жданов изрядно подрастерял к лету 1948 г. Этому способствовали как объективные причины, связанные с провалами во внешней политике и необходимостью, по мнению Сталина, ужесточения внутривластного курса страны, так и субъективные, всецело вытекавшие из особенностей психики вождя.

Г.В. Костырченко небезосновательно полагает, что «аппаратные победы Жданова, рост его популярности в народе и властных структурах партии и государства... не могли не вызвать глухого недовольства у подозрительного Сталина, который стал заметно охладевать к «ленинградцам» и их лидеру». Более того, ученый предполагает, что разлад между Сталиным и Ждановым мог произойти из-за появившегося «с некоторых пор» подозрения в вынашивании «ленинградцами» «далеко идущих планов» [5].

Данную версию своими выводами частично поддерживают и авторы труда «Ленинградское дело» В.И. Демидов и В.А. Кутузов. Они считают, что Жданов, как и все вероятные наследники вождя, наверняка готовил «себе «базу» на случай кончины Сталина и дележа власти», хотя «ни с кем, даже с А.А. Кузнецовым, и намеком такими планами не делился» [6].

На одном из допросов в чем-то подобном сознался и сам Кузнецов. Известному своей садистской жестокостью следователю Комарову Алексей Александрович поведал о присутствовавшей у него надежде на то, «что со временем Жданов станет преемником Сталина, а мы, – близкие к нему люди, – также займем высокие посты». Занесенное в составлявшиеся

задним числом протоколы допросов «признание» Кузнецова с высокой долей вероятности указывает на вынашиваемые вождем подозрения.

В данном контексте уместно напомнить, что межличностный конфликт между Сталиным и наиболее преданным ему Молотовым возник вскоре после войны, не в последнюю очередь, из-за публикаций в иностранной прессе, где муссировались слухи о болезни и даже возможной смерти вождя. При этом наиболее вероятным наследником Сталина западные СМИ наперебой называли именно Молотова. Как считают А.А. Данилов и А.В. Пыжиков, «утечка» информации о состоянии здоровья «хозяина», а также о потенциальных претендентах на его место произошла по линии ведомства Берии, который наряду с Маленковым был заинтересован в компрометации и ослаблении позиций Молотова [7]. По этой же причине, как к наиболее вероятному своему преемнику, Сталин мог охладеть и к набиравшему популярность Жданову. Мнительный правитель, чей прогрессирующий атеросклероз только добавлял непредсказуемости и шаткости в положение его соратников, вполне мог расценить отдельные действия Жданова как целенаправленное укрепление своих тылов перед решающей схваткой.

Осложнить отношения двух старых товарищей могли и переживаемые Сталиным в наиболее острой форме неудачи во внешней политике, которые оказали значительное влияние на внутривнутриполитический климат послевоенного СССР.

Руководя Отделом внешней политики ЦК и, по сути, отвечая за международные связи партии, Жданов был напрямую связан с работой большинства внешнеполитических ведомств страны. Кроме того, наиважнейшей задачей, стоявшей перед Ждановым с началом «холодной войны», стал контроль над Коминформом – организацией, призванной объединить вокруг ВКП(б) все коммунистические партии мира.

В мае-августе 1948 г. в международной политике Москвы происходило нагнетание конфликта с руководством Югославии. Лидер этого государства, маршал Иосиф Броз Тито, не желая безропотно во всем потакать советскому вождю, стремился проводить все более самостоятельную политику. Его линия поведения сильно контрастировала с позицией, занятой в отношениях с Кремлем остальными руководителями стран нарождающегося социалистического лагеря.

Идеологическое воспитание коммунистических неофигов в духе покорности Москве было ждановской «линией фронта», за которую он нес персональную ответственность. Однако сильный характер Тито, его самостоятельный путь в строительстве социализма, не обеспечивавшийся советским военным присутствием на территории балканской страны, не позволили Жданову справиться с возложенной на него задачей.

Первоначальное раздражение и обоюдные претензии сторон летом 1948 г. переросли в неразрешимые разногласия и прямое политическое противостояние Сталина и Тито. Как результат, в июне 1948 г. Югославия была исключена из Коминформа. В этой связи историк Б.И. Николаевский утверждает, что разрыв отношений с лидером югославских коммунистов не только означал практический конец Коминформа, но и являлся концом биографии самого Жданова [8]. Главное, маршалом Тито был создан опасный прецедент, обостривший желание Сталина ужесточить дисциплину как внутри СССР, так и за его пределами.

Итогом пережитого Москвой «югославского шока» стали «решительные действия Сталина по отношению к восточно-европейским сателлитам. С 1949 года начался новый этап развития этих стран, ознаменованный наиболее открытым и прямолинейным вмешательством СССР в их внутренние дела...». По инициативе Москвы и при помощи советников МГБ СССР в Венгрии, Болгарии, Польше, Чехословакии, Румынии, Албании состоялись судебные процессы, призванные

предупредить любые проявления неповиновения и самостоятельности. В свете рассматриваемых событий российский ученый О.В. Хлевнюк вполне справедливо относит «ленинградское дело» к одному «из звеньев этой цепи» [9]. Неслучайно Н.А. Вознесенский, который до последнего противопоставлял себя «антипартийной группе Кузнецова», на судебном заседании от 29 сентября 1950 г. говорил об идейном родстве «ленинградцев» «с титовской кликой», а также о том, что их новая антисоветская политика «так или иначе должна была пойти по пути, по которому пошел Тито» [10]. В данном случае Вознесенский мог транслировать слова, которые слышал в ближайшем сталинском окружении, а может, и из уст самого вождя. После смещения с поста секретаря ЦК Кузнецова (28 января 1949 г.) Вознесенский до 7 марта продолжал исполнять обязанности заместителя председателя Совета Министров, входил в состав Политбюро и контактировал со Сталиным.

Советско-югославская конфронтация происходила на фоне усугубляющегося Берлинского кризиса, грозившего перерасти в лобовое столкновение вчерашних союзников из-за германского вопроса. В феврале-июне 1948 г. в Лондоне проходила конференция с участием США, Англии, Франции, Бельгии, Нидерландов и Люксембурга. В процессе ее работы определилась судьба немецких территорий, входивших в западные оккупационные зоны. Было принято решение об образовании единого западногерманского государства, способного оказать англосаксам значительную помощь в сдерживании «советской угрозы». Для Москвы это был очередной удар.

Таким образом, именно лето 1948 г. отмечено существенными провалами в международной политике Кремля: «Ужесточение внешнеполитической ситуации диктовало Сталину курс на окончательное и решительное свертывание послевоенных послаблений внутри страны, и тут он уже не мог больше полагаться на «мягкотелого» Жданова. Для

опоры диктатору требовалась более надежная, работоспособная и менее рефлектирующая аппаратная фигура. Всеми этими качествами обладал Маленков, воплощавший собой тип «чрезвычайно исполнительного и энергичного бюрократа-менеджера» [11]. Подтверждением подобных выводов стали дальнейшие действия советского лидера.

1 июля 1948 г. вышло постановление Политбюро о пополнении Секретариата ЦК ВКП(б) Г.М. Маленковым и П.К. Пономаренко. Назначения аргументировались необходимостью расширения работы ЦК и тяжелой болезнью Жданова. В связи с занимаемым положением больше шансов стать главой Секретариата ЦК, то есть преемником Жданова на посту заместителя Сталина по партии, имел Кузнецов. Однако дела от Жданова принял Маленков. Вновь став секретарем ЦК, Маленков занял ключевые посты в государственной и партийной структурах власти. Кроме него, такой привилегией обладал только сам Сталин.

Уже 10 июля, в день начала двухмесячного отпуска Жданова, происходит радикальная реорганизация аппарата ЦК. Ликвидируется возглавляемое Кузнецовым Управление кадров, а все ранее подконтрольные ему вопросы передаются десяти отраслевым отделам [12]. Несмотря на то, что Кузнецова оставили куратором административного отдела, занимавшегося расстановкой и подбором кадров в Министерство вооруженных сил, госбезопасности, внутренних дел, юстиции, включая судебную систему и прокуратуру, его позиции значительно пошатнулись. Роль «первой скрипки» в аппарате ЦК, после двухлетнего забвения, вновь переходит к Маленкову. 10 июля он возглавляет отдел партийных, профсоюзных и комсомольских органов, который по утверждению Ю.Н. Жукова был призван заменить собою Управление кадров и контролировать весь партийный аппарат плюс все без исключения министерства [13]. К тому же, после смерти Жданова под общее руководство Маленкова переходят столь важные для Сталина вопросы пропаганды и агитации.

Такое стремительное возвращение в секретариат ЦК Маленкова становится свидетельством особого расположения к нему вождя и, соответственно, его растущего недоверия к выходцам из Ленинграда.

Подтверждением начавшейся полуопалы Жданова стала показательная политическая «проработка» его сына Юрия. Молодой Жданов в своем выступлении на семинаре лекторов в Политехническом музее осмелился раскритиковать научные изыскания сталинского фаворита и, по совместительству, «главного агронома» страны академика Лысенко. Уже на следующий день Маленков потребовал прислать ему стенограмму резонансного доклада заведующего отделом науки Управления пропаганды и агитации ЦК. То, что происходило дальше, могло показаться началом «политического убийства» Жданова-старшего.

31 мая 1948 г. А.А. Жданов, М.А. Суслов, Д.Т. Шепилов и главный виновник скандала Юрий Жданов присутствовали на заседании Политбюро в кабинете вождя. Сталин, державший в руках стенограмму ждановского доклада «Спорные вопросы современного дарвинизма», негодовал. Он требовал разъяснить, на каком основании без разрешения ЦК крупный партийный чиновник «разделал под орех» Лысенко и кто позволил такую самостоятельность? Д.Т. Шепилов вспоминал, что, подводя итоги, Сталин со зловещими нотами в голосе очень тихо произнес: «Нет, это так оставить нельзя. Надо поручить специальной комиссии ЦК разобраться с делом. Надо примерно наказать виновных. Не Юрия Жданова, он еще молодой и неопытный. Наказать надо «отцов»: Жданова (он показал мундштуком трубки на Андрея Александровича) и Шепилова» [14]. Для подготовки решения тут же была образована комиссия Политбюро, которую возглавил Маленков.

В дальнейшем именно в секретариате А.А. Жданова готовился проект постановления ЦК «О положении в советской биологической науке», содержащий критику позиции, занятой сыном. Стараясь сгладить

острые углы и получить сталинское прощение, Юрий Жданов пишет вождю письмо, в котором признает все свои ошибки. В очередной раз, подтверждая имидж «великого дозировщика», Сталин не стал превращать подготовленный проект в постановление Политбюро, решив ограничиться чтением «покаянного» письма перед членами узкого руководства и его публикацией в «Правде». Так старший Жданов не только был подвергнут очередному унижению, но и оказался в подвешенном состоянии. 25 августа газеты страны оповестили население о «разгроме антинаучного течения» в биологии, а 31 августа Андрея Александровича не стало.

Еще одним примером изменившегося отношения Сталина к своему старому товарищу стало неоднократное упоминание его имени в негативном контексте во время следствия по «ленинградскому делу». Не думаем, чтобы это делалось по личному указанию Сталина. Скорее, Маленков, исполнявший роль посредника между вождем и карательными органами в период «подготовки» заключенных к суду, чувствуя настрой «хозяина», попытался свести личные счеты с бывшим соперником.

Красной нитью сквозь первые протоколы допросов А.А. Кузнецова проходит мысль о его безоговорочной поддержке со стороны Жданова, ставшей решающим фактором возвышения молодого «ленинградца». Показательным в этом отношении является протокол допроса от 10 сентября 1949 г., в котором фамилия Жданова фигурирует в девяти эпизодах, а сам он предстает в образе соучастника «преступной группы». Так, например, следствию удалось выяснить, что исключительно благодаря «постоянно превозносившему» Кузнецова Жданову последний с 1938 г. «стал сколачивать вокруг себя верных людей, на которых опирался в преступной деятельности». Кроме того, дальнейшему «разложению» Кузнецова, Попкова, Капустина и других руководителей города на Неве в 1940-1941 гг. способствовало частое отсутствие Жданова в Ленинграде, из-за чего «антипартийные действия» Кузнецова и его «сообщников»

продолжали оставаться безнаказанными. «Наведываясь изредка в Ленинград, Жданов иногда говорил мне.., что ему некогда заниматься ленинградскими делами, ибо работа в ЦК ВКП(б) отнимает много времени. Ленинградцы, заявлял Жданов, должны теперь сами о себе заботиться.

Такие заявления Жданова окрыляли меня, ...и я без зазрения совести еще более стал выпячивать свою персону, чтобы выглядеть независимым, самостоятельным руководителем ленинградской организации». Таким образом, получалось: при попустительстве первого секретаря ленинградского обкома и горкома партии Жданова Кузнецов сумел занять «руководящее положение» и почувствовать себя «хозяином» Ленинграда.

Попытка Маленкова очернить вчерашнего соперника была бы неполной, не используя он беспроблемный прием противопоставления второй столицы центру. Из протокола допроса Кузнецова следовало, что «ленинградцы» с целью «показать свое превосходство и власть пытались всякими путями давить на союзные министерства» и неоднократно устраивали «разгон» их представителям. На вопрос следователя Комарова, каким путем им это удавалось, Кузнецов, якобы, ответил: «С помощью Жданова, который поощрял наши действия в этом направлении и в ряде случаев сам задавал тон в необоснованно придирчивом и предвзятом отношении к представителям Москвы».

С целью дальнейшей дискредитации Жданова в протокол допроса была также занесена следующая фраза: «Жданов в период блокады Ленинграда, под предлогом болезни, устранился от руководства его обороной и внешне опустившись, постоянно находился в бомбоубежище.

Воспользовавшись этим, между мной и Ждановым впоследствии установились такие отношения, которые позволяли мне действовать безнаказанно». В качестве главного подтверждения безнаказанности приводился пример с «затушевыванием» роли «ЦК ВКП(б) и лично

Сталина» в деле обороны и разгрома немцев под Ленинградом. Подобные откровения были явно рассчитаны на мнительного вождя, внимательно изучавшего «признания» А.А. Кузнецова, на что указывают многочисленные подчеркивания красным карандашом.

Рассказывая далее о «преступных планах» своей «антипартийной группы», Кузнецов поведал следствию о неоднократно обсуждавшейся в их среде идее образования Российской коммунистической партии и целесообразности перевода правительства РСФСР в Ленинград. При этом главным застрельщиком в столь щекотливом вопросе выставлялся Жданов: «О переезде правительства РСФСР в Ленинград много говорилось еще до войны, а в 1940 или 1941 году я имел беседу со Ждановым и о РКП(б). Жданов, говоря о необходимости создания РКП(б), утверждал, что тогда будет кому защищать интересы российской федерации.

Этот разговор со Ждановым я передал Попкову, Капустину и Соловьеву и мы ухватились за него и сами стали ратовать за создание РКП(б)». Кроме того, следствию стало известно о многократных разговорах Жданова на эту же тему с главой Совета Министров РСФСР Родионовым и председателем Президиума Верховного Совета РСФСР Власовым.

Взятые с ходу обороты указывают на первоначальное желание Маленкова приобщить покойного Жданова к процессу по «ленинградскому делу». По всей видимости, окончательно лишить Сталина всяких сомнений должна была информация о «вражеских замыслах» заговорщиков по изменению состава руководства ЦК и правительства: «Мы были недовольны руководством ЦК ВКП(б) и надеялись, что со временем Жданов станет преемником Сталина, а мы, – близкие к нему люди, – также займем высокие посты».

Еще одним подтверждением допущенных Ждановым ошибок стали сведения о предоставлявшихся им Кузнецову данных с заседаний

Политбюро [15]. Этот факт с легкостью мог быть квалифицирован как преступное действие. Он являлся прямым нарушением жесткого сталинского правила, когда каждый крупный чиновник становился обладателем информации, касавшейся исключительно его функциональных обязанностей.

Так стараниями Маленкова Сталин получил компрометирующий материал на Жданова. И только от воли «хозяина» зависело, как им распорядиться.

Мы не разделяем мнения Б.И. Николаевского о том, что в сложившихся условиях Жданова «ждала тяжелая расправа» и что смерть сыграла для него своего рода «роль избавительницы». Сталин, постоянно державший свое окружение в «тонусе», прибегая к тактике публичных унижений, репрессировав родственников, временно исключая из «обоймы» и отдаляя «от тела», все же старался не доводить дело до полного избиения членов Политбюро 30-х годов, символизировавших саму сталинскую власть. Поэтому полуопала старого товарища, скорее всего, носила преходящий характер.

В результате, Сталиным было дано указание не упоминать имени Жданова на суде по «ленинградскому делу» в негативном контексте. В течение двухдневного открытого судебного заседания Военной коллегии Верховного суда, протокол которого составил 110 страниц, главного «ленинградца» и не вспоминали. Словно и не было человека, руководившего Ленинградом с 1934 по 1945 гг., под носом у которого Кузнецов сначала на протяжении семи лет «сколачивал» свою «преступную группу», а затем более двух лет работал в связке в аппарате ЦК.

Не стало исключением и обвинительное заключение. Говоря о «вынашивавшихся» подсудимыми «подлых изменнических замыслах» по трансформации состава руководства страны, в качестве главной опоры и

надежды «вражеской группы» оставили фигурировать только Вознесенского. Фамилия Жданова была также опущена в эпизоде с планами «заговорщиков» по выделению из ВКП(б) Российской коммунистической партии. Только однажды, ведя речь о «вредительско-подрывной работе» по «расстановке антипартийных людей в различных пунктах СССР», отметили, что для достижения этой цели Кузнецов и его сообщники использовали «доверие тов. Жданова» [16]. В итоге, на тридцати семи страницах обвинительного заключения имя Жданова упоминалось только один раз, да и то в нейтральном контексте.

Таким образом, вскрывшийся летом 1948 г. межличностный конфликт Сталина со Ждановым и скоропостижная смерть последнего стали своего рода прологом «ленинградского дела». Для Маленкова и Берии, уход ключевого оппонента, единственного из «ленинградцев», кто так же, как и они, имел возможность постоянно находиться рядом со Сталиным в неформальной обстановке, сыграл роль спускового крючка для начала активного преследования его ослабленных сторонников. Используя подозрительность и фобии вождя, изрядно поднаторевшие в подковерной борьбе Маленков и Берия сумели инициировать очередную репрессивную кампанию. Как вполне справедливо заметил биограф Жданова А.Н. Волынец, «когда-то, в 1937 году, решая судьбу партийных руководителей Башкирии, товарищ Жданов высказался так: *«Столбы подрублены, заборы повалятся сами»*. Теперь судьба подрубила главный «столб» ленинградцев, и забор повалился – к августу 1949 года были арестованы все их главные лидеры...» [17]. Не случись у Жданова смертельного инфаркта миокарда, вернись он из вынужденного отпуска на работу в Москву, а тем более, удержись он в сталинском окружении, трагедии «ленинградского дела» можно было избежать.

Список литературы

1. Политбюро ЦК ВКП (б) и Совет Министров СССР. 1945-1953 / Составители О.В. Хлевнюк, Й. Горлицкий, Л.П. Кошелева, А.И. Минюк, М.Ю. Прозуменщиков, Л.А. Роговая, С.В. Соменова. – М.: РОССПЭН, 2002. – 656 с. С. 26-27.
2. Павлов М.Ю. А.А. Кузнецов и органы государственной безопасности: к вопросу о причинах возникновения «ленинградского дела» // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. Тамбов: Грамота, 2015. №7(57): в 2-х ч. Ч. 2. С. 127-132.
3. Павлов М.Ю. Великодержавный шовинизм или сталинские фобии? К вопросу о причинах уничтожения «ленинградской группы» // Клио. Журнал для ученых. 2015. №8(104). С. 100-109.
4. Хлевнюк О.В., Горлицкий Й. Холодный мир: Сталин и завершение сталинской диктатуры. – М.: РОССПЭН, 2011. – 231 с. С. 44.
5. Костырченко Г.В. Тайная политика Сталина: власть и антисемитизм. М.: Международные отношения, 2003. – 784 с. С. 303-304, 308.
6. «Ленинградское дело» / Сост.: В.И. Демидов, В.А. Кутузов – Л.: Лениздат, 1990. – 413 с. С. 54.
7. Данилов А.А., Пыжиков А.В. Рождение сверхдержавы: СССР в первые послевоенные годы. – М.: РОССПЭН, 2001. – 304 с. С. 201.
8. Николаевский Б.И. Тайные страницы истории (биография Маленкова) / Ред.-сост. Ю.Г. Фельштинский. – М.: Издательство гуманитарной литературы, 1995. – 512 с. С.222.
9. Хлевнюк О.В., Горлицкий Й. Холодный мир: Сталин и завершение сталинской диктатуры. – М.: РОССПЭН, 2011. – 231 с. С. 85, 86.
10. Центральный архив ФСБ Российской Федерации (ЦА ФСБ РФ). Ф. Р-241. Д. 3017. Том. 15. Л. 92. Протокол открытого судебного заседания Военной Коллегии Верховного Суда СССР от 29-30 сентября 1950 года.
11. Костырченко Г.В. Тайная политика Сталина: власть и антисемитизм. М.: Международные отношения, 2003. – 784 с. С. 308.
12. Российский государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ). Ф. 17. Оп. 3. Д. 1071. Л. 28-29.
13. Жуков Ю.Н. Сталин: тайны власти. – М.: Вагриус, 2005. – 720 с. С.452.
14. Шепилов Д.Т. Воспоминания // Вопросы истории. 1998. №6. С.10.
15. ЦА ФСБ РФ. Ф. Р-241. Д. 3017. Том. 3. Л. 14-41. Протокол допроса А.А. Кузнецова от 10 сентября 1949 года.
16. ЦА ФСБ РФ. Ф. Р-241. Д. 3017. Том. 15. Л. 8-20. Обвинительное заключение от 26 сентября 1950 года.
17. Вольнец А.Н. Жданов. – М.: Молодая гвардия, 2013. – 619 с. С.578.

References

1. Politburo CK VKP (b) i Sovet Ministrov SSSR. 1945-1953 / Sostaviteli O.V. Hlevnjuk, J. Gorlickij, L.P. Kosheleva, A.I. Minjuk, M.Ju. Prozumenshnikov, L.A. Rogovaja, S.V. Somonova. – М.: ROSSPJeN, 2002. – 656 s. S. 26-27.
2. Pavlov M.Ju. A.A. Kuznecov i organy gosudarstvennoj bezopasnosti: k voprosu o prichinah vzniknovenija «leningradskogo dela» // Istoricheskie, filosofskie, politicheskie i juridicheskie nauki, kul'turologija i iskusstvovedenie. Voprosy teorii i praktiki. Tambov: Gramota, 2015. №7(57): v 2-h ch. Ch. 2. S. 127-132.

3. Pavlov M.Ju. Velikoderzhavnyj shovinizm ili stalinskie fobii? K voprosu o prichinah unichtozhenija «leningradskoj grupy» // Klio. Zhurnal dlja uchenyh. 2015. №8(104). S. 100-109.
4. Hlevnjuk O.V., Gorlickij J. Holodnyj mir: Stalin i zavershenie stalinskoj diktatury. – M.: ROSSPJeN, 2011. – 231 s. S. 44.
5. Kostyrchenko G.V. Tajnaja politika Stalina: vlast' i antisemitizm. M.: Mezhdunarodnye otnoshenija, 2003. – 784 c. S. 303-304, 308.
6. «Leningradskoe delo» / Sost.: V.I. Demidov, V.A. Kutuzov – L.: Lenizdat, 1990. – 413 s. S. 54.
7. Danilov A.A., Pyzhikov A.V. Rozhdenie sverhderzhavy: SSSR v pervye poslevoennye gody. – M.: ROSSPJeN, 2001. – 304 s. S. 201.
8. Nikolaevskij B.I. Tajnye stranicy istorii (biografija Malenkova) / Red.-sost. Ju.G. Fel'shtinskij. – M.: Izdatel'stvo gumanitarnoj literatury, 1995. – 512 s. S.222.
9. Hlevnjuk O.V., Gorlickij J. Holodnyj mir: Stalin i zavershenie stalinskoj diktatury. – M.: ROSSPJeN, 2011. – 231 s. S. 85, 86.
10. Central'nyj arhiv FSB Rossijskoj Federacii (CA FSB RF). F. R-241. D. 3017. Tom. 15. L. 92. Protokol otkrytogo sudebnogo zasedanija Voennoj Kollegii Verhovnogo Suda SSSR ot 29-30 sentjabrja 1950 goda.
11. Kostyrchenko G.V. Tajnaja politika Stalina: vlast' i antisemitizm. M.: Mezhdunarodnye otnoshenija, 2003. – 784 c. S. 308.
12. Rossijskij gosudarstvennyj arhiv social'no-politicheskoj istorii (RGASPI). F. 17. Op. 3. D. 1071. L. 28-29.
13. Zhukov Ju.N. Stalin: tajny vlasti. – M.: Vagrius, 2005. – 720 s. S.452.
14. Shepilov D.T. Vospominanija // Voprosy istorii. 1998. №6. S.10.
15. CA FSB RF. F. R-241. D. 3017. Tom. 3. L. 14-41. Protokol doprosa A.A. Kuznecova ot 10 sentjabrja 1949 goda.
16. CA FSB RF. F. R-241. D. 3017. Tom. 15. L. 8-20. Obvinitel'noe zakljuchenie ot 26 sentjabrja 1950 goda.
17. Volyneč A.N. Zhdanov. – M.: Molodaja gvardija, 2013. – 619 s. S.578.